

Екатерина Мендоса

Четыре на каждом углу

«Автор»

2026

Мендоса Е.

Четыре на каждом углу / Е. Мендоса — «Автор», 2026

Это роман не про нулевые. Не про взросление. Не про первую привязанность. Не про последствия выбора. Это роман о том, как некоторые чувства остаются с нами навсегда. Не потому, что они были самыми глубокими или самыми первыми. А потому, что именно они сделали нас теми, кем мы стали. Одними из них мы дорожим и с радостью делимся с близкими. Других стыдится настолько, что пытаемся забыть. Но и те, и другие уже стали частью нас самих. Роман основан на реальных событиях. Имена персонажей, обстоятельства и отдельные эпизоды изменены в художественных целях.

© Мендоса Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Геометрия дворового поля (лето 2000-го)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Екатерина Мендоса

Четыре на каждом углу

Глава 1: Геометрия дворового поля (лето 2000-го)

Июнь 2000 года расплавил асфальт областного города Р*****. Воздух в замкнутом периметре четырех пятиэтажек — двух кирпичных, хранивших прохладу, и двух панельных, выгоревших под солнцем до цвета грязного мела — стоял неподвижно, пропитанный запахом разогретого гудрона, пыли и цветущих каштанов. Каждая пятиэтажка тянулась на шесть подъездов, отчего сам двор казался огромным, почти бесконечным государством со своими границами. Его по диагонали разрезали вытоптанные тропинки, сходящиеся ровно по центру, на пятачке, который гордо именовался «футбольным полем».

Катя знала этот мир наизусть, поделенный на четыре четких угла. В первом углу дожидала свой век покосившаяся карусель, чьи сиденья давно служили лавками, и железная горка с таким отвесным углом спуска, что приземление всегда больно отзывалось в копчике. Во втором углу глухо высилась кирпичная трансформаторная будка без окон. Её железные двери с выцветшей дугой «Не влезай — убьет!» манили и пугали одновременно: вокруг нее самозабвенно носились в «московские прятки», но внутрь за все детство так никто и не рискнул заглянуть. Третий угол занимала песочница — полигон, где строились подземные гаражи для дефицитных машинок. В четвертом углу блестела трубами шведская стенка с хитрой конструкцией для качания пресса.

Центр двора условно делил пополам идеально ровный ряд акаций, посаженных словно по линейке. С одной стороны от них пахла ржавчиной мусорные баки, а с другой — высился легендарный коричневый турник с облупившейся краской, на котором выбивали ковры, а пацаны использовали его в качестве футбольных ворот. С противоположной стороны воротами служили два старых, толстых каштана, чьи нижние ветки были так удобно опущены к земле, что на них проходила половина жизни мальчишек. Из их зеленых колючих плодов, если долго тереть их об асфальт до белой мембраны, получались идеальные «плюшевые» мячи. Рядом тянулись к небу два огромных тополя. Из-за них июнь гарантированно превращал двор в филиал зимы: пух забивался в углы бордюров белыми коврами, и его почему-то было невозможно не поджечь. Между подъездами цвели палисадники. Едва распускались лилии, сирень и жасмин, дети открывали на них охоту, а соседки — на детей.

В этой пацанской вселенной Катя была одна. Единственная девчонка её возраста из соседнего подъезда носа на улицу не казала, поэтому приходилось играть по мужским правилам. Они были вместе с пеленок. Антон жил в первом подъезде, Витька — прямо над Катей, на четвертом этаже, Денис — на пятом, а Макс — в первом подъезде соседнего дома. Противоположный край дома когда-то казался далекой чужбиной, но теперь вся география была освоена, и в этот душный полдень их привычный мир стянулся к коричневому турнику.

Катя никогда в жизни не играла в дочки-матери. Куклы у неё, конечно, были, но она совершенно не знала, что с ними делать — они ведь не двигались, возня с переодеванием казалась лишённой смысла. Единственным чисто девчачьим занятием, которое она разделяла со сверстницами в школе, были прыжки «в резинку». Одноклассницы охотно принимали её в игру, ведь Катя умела чётко следовать правилам и брать сложные уровни, но близкой дружбы ни с кем из них она так и не завела — школа оставалась просто транзитной зоной. Когда она спустя годы будет говорить, что росла пацанкой, ей мало кто поверит — мало ли девчонок лазило по деревьям? Но у кого из этих «пацанок» была личная, собранная поштучно коллекция

вкладышей от жвачки «Турбо»? И кто из них мог на лавочке с железными аргументами в руках доказать, кто сильнее — Ван Дамм с его вертушками или массивный Сталлоне?

Её настоящей стихией были «казаки-разбойники», «ножички» на расчерченном в пыли круге, «выбивало» и шалаши из веток у трансформаторной будки. Она умела печь в золе чёрную, обжигающую пальцы картошку, знала, в какой момент нужно срывать с забора детского сада с полными карманами ворованных кислых яблок, чтобы не поймал сторож, и как незаметно просушить на летнем ветру мокрую до самых пят косу — волосы у Кати были ниже спины, и тайные заплывы на соседнем озере всегда грозили обернуться домашним трибуналом.

Но к этому лету пацанское детство кончилось. Катя интуитивно чувствовала, что друзья начали относиться к ней иначе. Видимо, они только сейчас заметили, что она была не совсем мальчишкой, самой же Кате меньше всего на свете хотелось этих перемен. Ей отчаянно хотелось подольше удержать их привычный, безопасный мир, доказать и им, и самой себе, что правила прежние, что она всё ещё «свой пацан». Время ломало границы: ленивые игры на асфальте всё чаще сменялись долгими, странными разговорами. Пацаны выросли и внезапно обнаружили, что рядом с ними есть девчонка, которая не станет жеманничать, а ответит на любые вопросы напрямую. Катя была их проводником на чужую территорию. Она без утайки, со своей привычной логикой, проинформировала их про месячные, а они взамен делились своими первыми мужскими секретами. Буквально на днях Витька со свойственной ему дурашливостью заставил Катю оценивать его вид сзади, принимая нелепые позы под козырьком подъезда. От него она с удивлением узнала уличную хитрость: оказывается, парни держат руки в карманах брюк исключительно для того, чтобы натянуть ткань и казаться сзади подтянутее.

На этом зыбком, честном уровне абсолютного доверия и держалась их дворовая дружба. Но отношения, продолжавшиеся всю жизнь, не могли измениться в одночасье.

Именно поэтому сегодня она без колебаний согласилась на игру в «петуха». И в этот жаркий полдень пять ребят кружили вокруг потрепанного мяча.

Антон, тот, что вел себя как главный, красовался в широких черных спортивных штанах с ядовито-зелеными лампасами и кнопками вдоль штанин — он нарочито расстегнул одну, чтобы продемонстрировать мнимую небрежность. На правах самого старшего — хотя разница с Катей составляла смешные полгода: она апрельская, он октябрьский — Антон всегда задавал тон. Дружба с ним вообще была исторически неизбежной: его отец когда-то учился в одном классе с Катиной мамой. Сейчас Антон пасовал то одному, то другому, лениво, вразвалочку, с тем выражением снисходительного превосходства, которое выдавало в нем лидера компании.

Глядя на его уверенную улыбку, Катя вдруг вспомнила их весенний спор. Отец тогда ради шутки предложил ей попробовать раздавить обычное куриное яйцо, крепко зажав его в кулаке. Хохма удалась — яйцо не поддавалось законам физики, оставшись целым, и восторженная Катя, прихватив «волшебный» снаряд, побежала во двор просвещать пацанов. Мальчишки, конечно, повелись. Витька кричал и краснел, Макс давил так, что пальцы дрожали — скорлупа держала удар. Но когда очередь дошла до Антона, тот не стал утруждать себя проверкой законов природы. Он молча взял яйцо, лениво размахнулся и с маху разбил его о голову Витьки. Желток тогда позорно потёк по Витькиному затылку под общий хохот, а Антон лишь победоносно ухмыльнулся. Катя не нашла в выходе ничего смешного — в его поступке не было ни ума, ни честности, но Антон был заводилой, их маленьким диктатором, и отчитать его как следует она тогда не посмела.

И вот сейчас блондин Антон, чей взгляд был небесно-голубым, красиво уложил мяч на носок кеда. Он красовался, выгибая спину, будто играл на глазах у целого стадиона.

— Смотри, как надо, — подмигнул он Кате.

— Тоха, кончай петушиться, пасуй, — негромко, но веско отозвался Макс, придерживая мяч стопой.

Макс, как всегда, был безупречен: чистое, выглаженное трико и футболка неяркого цвета, словно он только что вышел из дома, а не пробежал все утро с мячом. С Максом у Кати тоже была историческая связь: его мама когда-то училась в одной школе с Катиной матерью. Подругами они не были, но при встрече на улице могли зацепиться языками и трепаться битый час. Мама Макса работала воспитателем в детском саду, и эту педагогическую жилку сын, кажется, унаследовал сполна. Чтобы понять характер Макса, нужно было просто увидеть его рядом с младшим братом: он носился с мелким как наседка, оберегал и опекал так, как не каждая мать способна.

Макс был правильным во всех отношениях — благородным, отзывчивым, всегда готовым прийти на помощь. В их взрывной компании он оставался островком спокойствия. Он терпеть не мог потасовок, и именно Макс чаще всего улаживал и улаживал конфликты внутри компании. А ещё Макс ходил на народные танцы. Двор, конечно, мог бы над этим подтрунивать, но Макс регулярно уезжал с ансамблем на гастроли. Благодаря этому физически он был развит лучше всех: бегал быстрее ветра, обладал великолепной пластикой и координацией. И именно поэтому в футбол он играл лучше всех, управляясь с облезлым мячом с концентрацией учёного. Логично было бы предположить, что с такими данными Макс должен возглавлять их банду. Но лидером оставался самоуверенный Антон, потому что Макс, в отличие от Тохи, никогда не стремился быть признанным «лучше всех». В дружбе он был абсолютным демократом. Ему было достаточно, чтобы все просто были в хорошем настроении и не орали друг на друга.

Рядом, пританцовывая, крутился весельчак Витька — его спортивные были подвернуны до колена. Витьку все в компании слегка поддевали из-за его хронической бестактности, но без него игра теряла вкус. Отсутствие такта компенсировалось улыбчивостью и своеобразным обаянием.

Денис стоял в шортах, которые выглядели на нем странно, почти по-детски, будто вырос он уже после того, как их надел. В отличие от остальных, Денис в их доме не жил — он приезжал в их двор к бабушке на выходные или каникулы. Он был скромным, никогда не стремился привлечь к себе лишнее внимание и не участвовал в общих перепалках, предпочитая говорить редко и только по делу. Но за этой молчаливостью скрывались острый ум, отличное чувство юмора и тонкий, язвительный сарказм. Как и любой человек, не ищущий внимания, Денис был ранимым и обидчивым, что вкупе с бестактностью Витьки периодически приводило к мелким дворовым склокам. Повода серьезно спорить с Денисом почти никогда не подворачивалось, но если Витя перегибал палку, тот мгновенно замыкался или выдавал такую ответную саркастическую тираду, что Макс приходилось брать на себя роль миротворца. При этом Денис был парнем из категории «за любой кипиш, кроме голодовки». Его никогда не приходилось долго уговаривать или убеждать принять участие в очередной аванюре: если пацаны собирались строить шалаш, воровать яблоки или бежать на речку — Денис просто молча брал куртку и шел следом. На него всегда можно было безоговорочно рассчитывать.

Макс, не в силах расстаться с драйвом, был целиком поглощен мячом, превратив скучное ожидание в настоящий ритуал и набивая его всеми известными способами, пока Витька без умолку болтал. Наконец Антон резко оборвал бормотание Витьки и снова повернулся к Кате.

— Правила простые: стоишь на воротах, не даешь забить гол. Пропустила — «петух». Всё.

Катя выделялась в этой компании своей отчетливой, почти графичной яркостью: крупные, широко распахнутые голубые глаза и россыпь веснушек, которые казались золотистой пылью на её лице. На ней были светлые шорты из плотной ткани и майка в цветную полоску из универмага. На самом деле Катя скорее чувствовала, чем осознавала, что отношение к ней неуловимо меняется. Мальчишки выросли, и прежнее беззаботное равенство таяло с каждым жарким днем. Внутри нее росло беспокойство: если они окончательно признают её непригод-

ной для своих пацанских игр, то просто перестанут с ней дружить. Терять этих ребят, ставших родными, она не хотела ни за что. Тогда, в тринадцать лет, она интуитивно понимала — время бездумного бега за мячом уходит, и ей нужно было придумать способ, чтобы зарезервировать за собой новую роль в повзрослевшей компании, при этом не потеряв уже заработанный потом и разбитыми коленками статус «своего человека». Требования к ней вот-вот должны были измениться, и Катя, как могла, отчаянно и упрямо маскировала то, что начинало отличать её от мальчишек. Вот и сейчас не было места юбкам и колготкам. И именно поэтому, застав мальчишек за игрой, она не стала предлагать другое занятие, а позволила вовлечь себя в дурацкое развлечение.

Катя решительно кивнула и встала между «штангами» турника. Она приготовилась. Поблажек ей никто делать не собирался — во дворе действовали спартанские законы. И сейчас Катя, бывшая едва ли метр с кепкой, эти крепкие пацаны, уже успевшие заметно вымахать и окрепнуть к своим тринадцати годам, и тяжеленный, настоящий кожаный футбольный мяч составляли по-настоящему горючую смесь. Били они со всей дури, вкладывая в каждый замах все силы, на которые были способны.

Облезлый, грязный снаряд с потертой кожей полетел прямо в неё. Она отбила мяч ладонями и почувствовала, как пальцы будто рассыпались на кусочки, а следом появилась боль, как от горячей головешки. Катя пожалела, что не взяла мастерку с длинными рукавами, чтобы прикрыть горящие, мгновенно покрасневшие ладони. Второй удар она приняла плечом, развернувшись вполоборота, — так боль была выносимой. Хотя она и чувствовала, как по плечу и спине растекается горячая краснота, азарт напрочь вытеснил страх. Она отбила два удара подряд, и теперь улыбающийся Витька готовился к третьему.

Удар. Мяч пошел по непредсказуемой, рваной траектории. В тот же момент из-за кустов акации за ее плечом послышался смех, краем глаза она заметила постороннее движение и непроизвольно на долю секунды отвела взгляд от летящего мяча. Этого хватило. Вполне опознанный летающий объект на полной скорости с густым шлепающим звуком врезался ей прямо в лицо.

В глазах мгновенно полыхнуло белым, в ушах зазвенело. Катя охнула, присела на корточки, закрывая лицо руками. Царапины, оставленные грубой кожей мяча, горели. Она пропустила, и правила были неумолимы: звонкое, горькое «Я — петух!» разлетелось по двору, отразившись от панельных стен. Антон едва заметно усмехнулся, Макс отвел глаза.

И именно в эту секунду тишину нарушил резкий многоголосый смех. Из-за кустов показались трое парней — тех, кого во дворе побаивались, но с кем приходилось поддерживать хрупкий мир. Им явно было нечем заняться, они искали, чем бы развлечься, а потому просто не могли пройти мимо.

Самым громким был Мелкий — парень низкого роста с бегающими глазами, чьи руки никогда не замирали. Он выглядел так, будто донашивал одежду за старшим братом: слишком длинные спортивные волочились по асфальту, а футболка висела мешком, скрывая его тщедушное тело. Жестикулируя, он подошел к Кате вплотную, глядя сверху вниз, хотя был почти одного с ней роста.

— О, гляньте-ка! У нас тут птицефабрика открылась? «Я — петух»? Ну, ну, молодцы, пацаны, не ожидал... — Мелкий сплюнул сквозь зубы. — Пацаны, вы чего, в дочки-матери играете? Где мужской пол делся, а? Баба на воротах — это у нас теперь новый стандарт? Ты чего, малая, правда такая смелая, или это у вас игра такая — позориться перед пацанами?

Катя почувствовала, как внутри закипает не страх, а холодная, расчетливая ярость. Они застали её в момент ребяческого позора, и теперь нужно было заставить их замолчать.

Рядом с Мелким высился Громила — длинный, с неприятным «лошадиным» лицом, покрытым прыщами. Его фразы всегда заканчивались гоготом, даже, если сказанное не было

шуткой. На нем была белоснежная, вызывающе чистая футболка, надетая поверх широких спортивных штанов.

Громила заржал, нелепо хлопая себя по коленям:

— Да они, небось, сами не знают, как в мяч попадать! Эй, малая, нос-то не отвалился?

Третий, Спичка, шел чуть позади. Он не участвовал в перепалке — ему нравилось просто наблюдать со стороны. Он смотрел на происходящее с лёгким прищуром в глазах, будто находил ситуацию забавной. В зубах у него была зажата спичка, которую он не вынимал даже во время разговора, лишь слегка прикусывал.

— Отвалите, — сухо бросил Макс, делая шаг вперед и закрывая Катю.

— Ты чо, такой дерзкий, чепушило? — Мелкий подскочил ближе, тыча пальцем в грудь Максу. — Давайте футбольчик, а? Только без этой... куклы на воротах. Или вы только с девочками можете?

Катя вытерла глаза — они слезились, но в них горел упрямый огонь. Она поднялась.

— Я могу играть, — сказала она громче, чем собиралась.

Громила снова захохотал:

— Слышали? Она «может»! Слушай, да ты по природе своей не можешь. Если хочешь, можешь счёт вести, например.

— А ты у меня мяч забери сначала, а то как же вы без мяча играть будете? — Катя уверенно наступила на мяч ногой.

Мелкий мгновенно повелся на провокацию. Он попытался выбить мяч из-под ее кеда и начал финтить, суетливо перебирая ногами, чтобы сбить Катю с толку. Она не суетилась — ждала момента. В то мгновение, когда Мелкий замахнулся, увлекшись собственным выпендрежем, Катя резким выпадом прокинула мяч ему «между домика» и тут же проскочила мимо, догоняя снаряд.

Мелкий замер, его лицо перекосило от злости, но он промолчал.

— Ну что? — голос Кати звенел в тишине двора.

Мелкий отвернулся, сплевывая в пыльную траву.

— Да хрен с ней, играем. Вы все против нас троих, — буркнул он, не глядя в глаза. — Только если проиграете — мяч наш.

— Ну, давай, — сказал Антон, снова выходя на центр. В глубине души он теперь с опаской и интересом смотрел на Катю — ведь мяч принадлежал ему.

Мяч в очередной раз влетел в воображаемые ворота турника — 11:7. В воздухе стояла густая смесь пыли, пота и разогретого асфальта.

— Так, конечно, вас же больше! — разъярился от проигрыша Мелкий.

— Ну так больше, ты только сейчас посчитал? — с тихой иронией ответил Макс. Поддев мяч носком кеда, он ловко поймал его руками.

Громила провел по лицу грязной ладонью, тяжело дыша, и впервые посмотрел на Катю с каким-то странным уважением.

— Ну, — он сплюнул на асфальт, — хоть бегать ты умеешь.

Мелкий, до того не умолкавший ни на секунду, нервно поправил свою мешковатую футболку и промолчал. Спичка же просто кивнул — коротко, сухо, как будто ставил точку в важном расчете.

Вся компания начала собираться — подходило время обеда, пора было покинуть «поле боя». Катя уже отошла на приличное расстояние, но почувствовала на спине любопытствующий взгляд и обернулась.

Спичка, не вынимая спички изо рта, вальяжно подошел к Максу. Тот на секунду замер, явно не желая лишнего внимания, но Спичка уже прищурился, глядя на удаляющуюся девочку.

— Слышь, Макс, — голос Спички был вкрадчивым, с ноткой ленивого любопытства. — Девчонка ваша... что за она?

Макс сжал зубы и, не оборачиваясь, ответил максимально коротко:

— Ну так, Катька, — он поторопился отделаться от расспросов.

— А откуда взялась? — Спичка чуть склонил голову, прищурившись еще сильнее.

— Из двенадцатого дома, — бросил Макс, стараясь быстрее увести своих прочь. — Второй подъезд. Первый этаж.

Спичка проводил взглядом удаляющуюся компанию, все еще прикусывая спичку. В его глазах блеснуло что-то, что нельзя было назвать просто праздным любопытством.

Он запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.